

Выдержки из стенограммы заседания экспертной группы 15 по направлению «Управление государственной собственностью и приватизация» от 2 марта 2011 года

Радыгин А.Д.:

Уважаемые коллеги, большое спасибо всем, кто смог прийти! Краткая предыстория происходящего, для тех, кто не знает или не совсем в курсе. В конце декабря ректор РАНХиГС Мау В.А. и ректор НИУ ГУ-ВШЭ Кузьминов Я.И. обратились с письмом к Председателю Правительства РФ В.В. Путину с обоснованием необходимости разработки обновленной в пост-кризисных условиях «Стратегии 2020». Реакция Председателя Правительства была положительной, в связи с этим были созданы рабочие экспертные группы. На данный момент их - 21, посвященные наиболее значимым, с точки зрения инициаторов этого процесса, вопросам и компонентам формирования модели экономического роста для страны. Все данные об этом есть на соответствующем сайте <http://2020strategy.ru>, на котором можно посмотреть рабочие материалы и по всем группам, и по нашей. Проходили несколько организационных встреч в РАНХиГС и ГУ-ВШЭ. Проходила встреча и в Белом доме – установочная, которую проводил Первый заместитель Председателя Правительства И.И.Шувалов. Была встреча с Председателем Правительства РФ В.В.Путиным несколько позже, достаточно длительная, она подробно освещалась в СМИ, а выдержки из стенограммы есть на сайте.

Мы с моим коллегой Симачевым Ю.В. провели к настоящему моменту целый ряд встреч, стремясь сформировать повестку на год.

Первые материалы, которые от нас ожидают, мы должны представить 10 марта 2011 г. Это некий концептуальный текст с первыми подходами по тематике группы. В июле должна быть подготовлена развернутая версия нашего аналитического доклада с конкретными экспертными оценками и предложениями.

На сайте группы 15 размещен достаточно объемный предварительный материал, надеюсь, что кто-то смог с ним ознакомиться. Это ни в кой мере не мнение экспертной группы, это ни в кой мере не предложение экспертной группы. Это начальный аналитический материал, тем более он не отражает официальной позиции каких-либо ведомств и экспертов, которые участвовали в узких предварительных обсуждениях. Это материал, который мы сочли целесообразным выставить перед нашей первой, мы надеемся содержательной, встречей для того, что бы был старт для обсуждения.

Сегодня мы хотели бы сфокусироваться на вопросах, связанных исключительно с приватизационной политикой. Мы понимаем, что приватизацию можно рассматривать как один из существенных инструментов управления государственной собственностью, но невозможно за одну встречу охватить гигантское количество вопросов, которые достаточно интересны. Поэтому мы предложили бы сегодня сконцентрироваться на проблемах приватизационной политики. Прежде всего - на так называемой «новой приватизационной политике» или, как ее некоторые называют, - «большой приватизации», которая уже обсуждается год во всех заинтересованных экспертных структурах и органах государственной власти.

О некоторых дополнительных организационных вопросах и наших просьбах к уважаемым членам группы я скажу чуть позже. Сейчас слово передается Ю.В. Симачеву, который сделает краткий обзор по проблематике.

Симачев Ю.В.:

Уважаемые коллеги, я хотел бы сделать исключительно вводное вступление, несколько характеризуя те задачи, которые декларируются применительно к приватизации, те способы, которые сейчас есть и реализуются, те направления, по которым она идет. И самое главное – на этой основе попытаться сформулировать некоторые риски, которые представляются нам, по крайней мере с А.Д. Радыгиным, существенными и, возможно, обсудить некоторые развилки. Причем иногда это далеко не всегда развилки, а некоторые вопросы, которые у нас возникают в проблемной области.

Итак, декларируемые задачи. Я надеюсь, вы, конечно же, все читали планы приватизации, но обратите внимание. Те задачи, которые декларируются в прогнозном плане, который принимался в конце 2009 г. и потом прогнозный план, который принимался в конце 2010 г. Можно сразу четко сказать: первое – что да, теперь на первом плане задачи, связанные с модернизацией, то есть привлечение внебюджетных инвестиций, улучшение корпоративного управления, стимулирование развития фондового рынка – это первый момент. Второй момент – можно заметить, что вот прошел всего год, а здесь уже пошло очень сильное изменение в составе этих задач. Мы здесь все искренне и, я надеюсь, без обид будем давать и воспринимать любые комментарии. Складывается ощущение, что иногда уже сложно отделить сутевые задачи от некоторых красивых фраз. Потому что понятно, что такое создание условий для привлечения внебюджетных инвестиций в развитие акционерных обществ, на основе новых технологий. Вот возникает вопрос – это лозунг или за этим что-то стоит, за этим есть какие-то планы действительно сделать так, что бы это было на основе новых технологий или это просто дань моде?

Первое. Какие можно дать комментарии по составу задач. Все-таки приватизация – это не самоцель, – это некоторый инструмент, на который различные экспертные группы, представители власти могут нагружать различные задачи. Задачи, как правило, очень разноплановые, и ряд из этих задач обладают внутренней конфликтностью, то есть и подходы, и способы, и механизмы проведения приватизации, – они существенно различаются. Надо иметь в виду, что, когда задач много разных и возможны разные способы, и когда с другой стороны возникает существенное бюджетное ограничение, то приватизация, конечно же, связана с существенными ресурсами. Это все создает условие для дополнительной борьбы различных групп интересов и, скажем так, жонглирования различными задачами в зависимости от той или иной ситуации: «Почему вот этот подход здесь? – А вот здесь у нас очень важно развивать фондовый рынок! А почему в данном случае такой подход? – А здесь мы думаем прежде всего про совершенствование корпоративного управления». Просто такая возможность естественно появляется, и давление на власть тоже возникает. Принципиальный момент: тема остается социально чувствительной. Понятно, что население непосредственно в этом уже не участвует, но любые действия в этой сфере воспринимаются очень остро, и любая какая-то здесь неоднозначность, на самом деле разумная иногда неоднозначность, которая обеспечивает свободу творчества, – она тоже может восприниматься достаточно негативно. Есть

принципиальная проблема, связанная с оценкой влияния приватизации на экономическое развитие. В материале Радыгина как раз были слова о том, что очень важно, когда приватизация сочетается с развитием условий для конкуренции, что есть примеры, когда и в компании в государственной собственности реализуют более долгосрочную политику, инновационную, если они находятся в условиях конкурентной среды, у них нормальный менеджмент, отстроена структура, то есть здесь нет какой-то постулативности. Тем более если мы говорим про крупные компании, то здесь уже достаточно индивидуальные условия, в которых должна осуществляться эта приватизация, прежде всего связанная с секторальными особенностями развития, с социальными ограничениями, рисками и т.д. И, наконец, последнее: мы можем выделить множество направлений, множество подходов, но надо понимать, что у государства ограниченные возможности реализовывать те или иные реформы. Вопрос в том, на чем прежде всего должно сконцентрироваться государство и его представители на первом этапе, на втором этапе, потому что все задачи могут оказаться важными и значимыми, но с позиции, что государство сможет их эффективно решить, в силу ограниченных административных возможностей, - это отдельный вопрос.

Очень кратко про новации в регулировании приватизации. Есть ряд вещей, которые касаются, прежде всего, крупных компаний. Это, прежде всего, предоставление правительству права принимать решения о приватизации государственного имущества фактически вне рамок закона о приватизации. Это индивидуальные схемы. При этом законодательно мы четко не видим критериев определения таких компаний, которые идут вне рамок закона о приватизации. Это возможности передачи функции продавца, то есть когда участвует инвестбанк в разгосударствлении субъектов. Это отмена бывших ранее ограничений по возможности механизма приватизации крупных субъектов – это уже в рамках самого закона о приватизации (это те, у которых балансовая стоимость больше 5 млн. МРОТ). И так же упрощение применения такого механизма, как внесение государственного имущества, на самом деле там ослаблены определенные ограничения по формированию интегрированных структур, мотивировалось это тем, что необходимо достроить ряд интегрированных структур, но вообще говоря, это снимает определенные барьеры для дальнейшего разрастания таких структур. Там эти барьеры стали менее значимыми. И, конечно, очень широкая совокупность мер, способствующая расчистке госсектора и проведению массовой приватизации, здесь и снижение барьеров доступа, для участия в приватизации в качестве продавцов, - это снижение налога, это электронные торги, и очень большой комплекс мер, я не буду на них подробно останавливаться. Они очень важные и полезные, связанные с прозрачностью приватизации, связанные с доступом к участию в приватизации, доступом к соответствующей информации. И, наконец, переход на среднесрочное планирование приватизации, возможности постоянного расширения перечня приватизации. Если совсем кратко, по нашим ощущениям, здесь решались две задачи – это расширение возможности инструментария приватизации крупных и сверхкрупных компаний. И вторая задача – снижение издержек и ограничения для массовой приватизации. То, что касается второй задачи, то наша предварительная оценка позитивная. То, что касается первой задачи, то здесь более неоднозначная оценка, потому что вроде устранены препятствия для структурной приватизации, созданы предпосылки к тому, что бы часть ресурсов шла непосредственно в развитие компании, за счет сочетания процедур разгосударствления через размещение

акций и снижения за счет этого доли, находящейся в государственной собственности, плюс продажи части пакета акций. Но, с другой стороны, внятно не определены законодательные рамки. Здесь возникает интересная ситуация. Мы проводили серию встреч, и возникла некая обратная ситуация по сравнению с той, которой мы обычно сталкиваемся. Когда начинается общение с представителями власти, то оценки становятся более негативными, тут же они стали наоборот более позитивными, потому что оказалось, что критерии такие есть, система взглядов есть, но она просто недостаточно публична и при этом, вроде бы, нет никаких рисков или сомнений у самих представителей власти, что да, соответствующий критерий или аргумент можно разместить в публичном доступе. То есть последняя проблема, что практические действия государства в сфере приватизации крупных компаний характеризуется недостаточной прозрачностью, а, пусть уже принятые, индивидуальные решения слабо публично аргументируются. Как всегда – слабо публично аргументируются, но инсайдерских комментариев через прессу сколько угодно.

Теперь план приватизации на 2011-2013 годы. Исключительно схематичная оценка. Сколько всего акционерных обществ с участием РФ, ФГУПов и всего остального, где государство является либо собственником имущества, либо акционером. Итак – порядка 6500 таких объектов (просто, что бы понимать масштабы). Из них, внутри этих категорий, есть некоторые группы, которые входят в перечень стратегических предприятий и обществ. Надо заметить, что в течение 2010 г. этот перечень стратегических предприятий и обществ был сокращен примерно в два раза. То есть было более 400 субъектов - стало 200, таким образом, предпосылки к расширению условий для приватизации существенны. Так же можно заметить, что есть существенные проблемы применительно к ГУПам. Это связано с существующими ограничениями, продолжающими действовать и следующими из президентского указа, когда их нельзя приватизировать.

И последнее – это цифры по плану приватизации на 2011-2013 годы. Вы их, опять же, можете соотнести с данными по составу госсектора. И мы видим, что акцент идет на акционерные общества, потому что там сейчас как раз меньше таких ограничений и может более внятная картинка – что можно с ними делать.

Схема приватизации. Очень кратко. Фактически есть индивидуальная схема, идущая вне рамок приватизационного закона. Десять крупнейших компаний и банков. Сейчас по ним приняты соответствующие решения. Это указано в прогнозном плане, что они приватизируются по таким схемам, а так же есть некоторые стандартные способы приватизации, предусмотренные соответствующим законом. Определено следующее количество: 809 АУ, 114 ФГУП, в том числе 8 крупных компаний.

Что касается индивидуальных планов приватизации отдельных компаний: вы можете посмотреть то, что составлено на основе прогнозного плана, материалов Росимущества, просто некоторые последовательности, некоторые интервалы, в течение которых, должно происходить уменьшение доли государственного участия. Сразу отметим, реально – это, конечно же, не сокращение госсектора. Какие риски? – Так как нам кажется, что многие из этих компаний играют очень существенную роль в определенных секторах, то приватизация отдельных субъектов без развития соответствующего регулирования в этих секторах – оно может привести к усилению теневого давления. Де-юре это уже будет не

государственный сектор, не будет контрольного пакета акций, а в тоже время государство будет определенным образом понуждать собственников к определенному нерыночному поведению, если не будут определены соответствующие изменения.

Второе – проблема связана с тем, что многие из крупных субъектов госсектора обладают определенными привилегиями и преимуществами. Это вопрос оценки, насколько они существенны или значимы. Здесь возникает вопрос. Да, мы их приватизируем, но при этом они продолжают обладать все теми же привилегиями и преимуществами, но как тогда это скажется и насколько это эффективно с позиции развития конкурентной среды.

Третье. Это риск задеирования в приватизации средств крупных госкомпаний, госбанков и разрастание компаний, находящихся под государственным влиянием и контролем. Это вот опять проблема, связанная с тем, что нужно одновременно вести очень активную работу по выводу непрофильных активов в компаниях с госучастием. Причем понятно, что там всегда возникнут объяснения, что нам тут нужен на время якорный инвестор и что-нибудь еще такое. Нам кажется, что риск этот существенный.

И пятое, я уже говорил. Есть некоторая нечеткость в законодательных нормативных процедурах для крупных компаний. Вот такая индивидуализированность, она с одной стороны позволяет адекватно отреагировать на специфику тех или иных крупных компаний, но с другой стороны может породить сомнения в справедливости приватизации, расширить условия для борьбы группы интересов, а самое главное, в терминологии: «мы вас приватизировали на соответствующих, достаточно льготных условиях, а вы себя как-то не так ведете» - это проблема. Неясности в заменах обязательств и как можно юридически обеспечить, что бы фактически они исполнялись на практике потом. Потому что, как вы помните, с конкурсами этого не получилось.

Возможные развилки.

Привлечение внебюджетных инвестиций. Конечно, мы говорим про инвестиции в компании или говорим про ресурс, который получает компания. Возникает вопрос: с чем связана уверенность, что эти ресурсы пойдут обязательно в инвестиции на уровне тех же компаний. Или как будет обеспечена инновационная направленность этих инвестиций. Поэтому получаем очень условную развилку. Что может быть, как-нибудь надо это дополнительное привлечение координировать, синхронизировать. Пример - с теми же программами инновационного развития крупных госкомпаний.

Второй вопрос, мне кажется, - более существенная развилка. Сейчас явно рассматриваются механизмы привлечения внебюджетных инвестиций в крупные компании, которые идут по индивидуальным схемам и понятно, что их будет довольно не много по размещению. Возникает вопрос: есть относительно крупные компании, которые будут приватизироваться в рамках закона о приватизации, а там из такого инструментария – что есть и какой будет использоваться. Вот конкурс – проблема, доверительное управление – вроде бы симпатичный инструмент, но надо думать, что надо сделать, что бы он заработал, он использовался мало. Что еще – так же дополнительное размещение, т.е. государство будет соглашаться с размыванием своего пакета акций, тогда надо такую позицию фиксировать. Т.е. все-таки широкий круг компаний, в отношении которых мы договариваемся, что да, государство сознательно отказывается от своей доли, несет при

этом потери, связанные с поступлением в бюджет. То есть здесь развилка очень существенная. Или узкий круг таких компаний.

Следующая группа развилочек, связана с задачей стимулирования инновационных инициатив частного сектора. Только разгосударствление или выравнивание условий, сокращение преференций для отдельных субъектов. Дальше возникает не менее сложная развилка. К примеру, договорились: отдельные компании – должны начать работу на рынке, к примеру, в том же банковском секторе, на таких же условиях как другие компании. Когда это выравнивание проводить – до приватизации или после? Потому что возникают определенные проблемы – на каких условия вошли туда инвесторы, чего им ждать и т.д. И, в принципе, что для нас первично - рассматриваем мы приватизацию крупных субъектов: что вот приватизируем, а потом государство, уже вынуждено, будет совершенствовать регулирование – деваться некуда. Или все-таки сначала нужно соответствующее изменение осуществить, а потом приватизировать.

Сокращение госсектора. Какие акценты. Это у нас все-таки акценты в глубину, по крупным компаниям, что вот да, дошли до контрольного пакета, дальше будем снижаться до миноритарного контроля или в ширину. Везде начинаем расширять смешанную собственность по многим направлениям. Насколько для нас существенен здесь процесс, связанный с сокращением количества субъектов государственной собственности. Их много или здесь более значим аспект, связанный с сокращением, снижением рыночной мощи этого сектора.

Эффективное использование госимущества. Да, есть неликвидные активы в госсекторе, да есть много мелких пакетов, которые не позволяют им управлять, возникает вопрос – что с ними делать. Есть, в конце концов, неэффективные предприятия. И мы должны помнить – очень существенным фактором сокращения госсектора, тех же ГУПов, выступает процедурная несостоятельность, каждый год процесс идет очень активно. Вопрос – как к этому относиться. Государству тоже надо самому активно эти процедуры реализовывать, пытаться это делать с акцентом на процедуры санации-оздоровления, которые тоже есть в рамках процедур несостоятельности, но работают плохо.

Формирование интегрированных структур. Нужны ли все-таки какие-то ограничения на будущее? Потому что логика формирования некоторых интегрированных структур - она была связана с ориентацией нахватать где-нибудь побольше активов, потом разобраться и часть потом самим же и продать на рынке. Это совершенно естественная логика. В использовании такой логики есть свои объективные преимущества для государства. Наша задача – те вещи, которые нам будут представляться нерациональными – показать, какие есть преимущества и недостатки. Идеальных решений не бывает.

Задача стимулирования фондового рынка. Я тоже слышал комментарии, что давайте введем какое-нибудь обязательное требование по размещению части эмиссии, а не всей. А вот нужна ли здесь какая-то координация с процессом формирования МФЦ, потому что некоторые коллеги считают, как хорошо бы вот на начальном этапе ... Коллеги! Мы должны быть открыты к разным позициям, но на самом деле те позиции, которые всему сообществу не нравятся, по ним с соответствующими аргументами необходимо и отреагировать.

Улучшение корпоративного управления. Опять же вопрос, если рассматривать просто в статике, что лучше: ГУП или ОАО со 100%-ой госсобственностью? А в связке с будущими действиями? А нужна ли градация контроля 75%+1 акция или 50%+1 акция. Вот сейчас такая градация есть. Это что-то принципиально меняет? Что мы принципиально боимся, опасаемся? Или это чисто такое самоуготоваривание, что при 75%+1 акция все будет просто замечательно. Только снижение доли государственного участия или это будет сопровождаться с расширением участия независимых директоров, т.е. изменением представительства в советах директоров. Миноритарное участие с коллегами тоже обсуждали, - вопрос – а требуется ли вообще специальное право или можно ограничиться блокирующим пакетом акций.

Формирование доходов федерального бюджета. Необходимо иметь в виду, что от госсектора есть дивиденды по пакетам акций и они достаточно существенны. Вот какое-то разумное соотношение, особенно, во времени доходов от приватизации не возобновляемых доходов и дивидендов по пакетам акций, устойчивый достаточно доход. Средства от приватизации сразу непосредственно в бюджет, я не говорю про разгосударствление – это когда проводится дополнительная эмиссия. Я говорю просто про приватизацию. Продажа пакетов – сразу непосредственно в бюджет или создание специального целевого фонда. Вы помните, была идея сделать специальный целевой фонд, что бы там средства сразу шли в него применительно к пенсионной системе. Здесь возникает некая социальная ориентация. Нужны ли там фонды по управлению отдельными видами имущества и вот за счет этого управления будет генерироваться более эффективный поток.

Регулирование, определение перспектив приватизации. Есть широкие возможности для принятия индивидуальных решений. Стоит ли некоторые нормативные рамки здесь определить? Все-таки, какие компании приватизируются по индивидуальным схемам. В каких случаях привлекаются продавцы госимущества. Потому что то, что написано в законе о приватизации – в одном случае там просто установлены цели, что в случае развития фондового рынка и т.д. могут применяться эти индивидуальные схемы. В другом случае сказано про крупные и сверхкрупные компании - точнее не сказано ничего, это в комментариях потом указано – могут привлекаться продавцы.

И очень важный вопрос – он может показаться тактическим. Вот опять же с позиции ограниченных ресурсных возможностей у государства – административных, и социальной чувствительности темы – это вопрос - надо ли сейчас нам высказываться по потенциальному кругу крупных объектов для приватизации на долгосрочную перспективу. Потому что сейчас понятно – да, вот сейчас есть 10 компаний, если вы возьмете перечень стратегических организаций, предприятий, то вы там найдете еще компаний 40-50 – весьма крупных, существенных. Вы можете посмотреть тот же перечень предприятий, которые должны разрабатывать программы инновационного развития – это тоже на уровне 50 таких крупнейших компаний, убрать оттуда сразу оборонку и увидеть, что там есть еще некоторый потенциал. Вопрос – надо ли про него говорить в явной форме или может в отдельных случаях имеет смысл сказать. Потому что все, что касается институтов развития, по-моему, уже можно задавать этот вектор к разгосударствлению уже сейчас. Такой вектор есть и в отношении Роснано и, вероятно, в перспективе Внешэкономбанка, вроде бы там вся логика была связана и в отношении с Российской

венчурной компании. При этом тот вариант что именно институты развития будут разгосударствляться путем дополнительной эмиссии – он наименее рискованный, потому что они и так уже связаны обязательствами или правилами, куда будут тратить эти средства – они могут тратить эти средства в соответствии со своей уставной деятельностью, а их уставная деятельность связана с поддержкой инвестиций инноваций.

Радыгин А.Д.:

Уважаемые коллеги, буквально через минуту хотелось бы перейти к обсуждению и услышать ваше мнение, но прежде чем мы это сделаем, несколько слов о том, что мы ожидаем от сегодняшнего обсуждения, и что хотелось бы сделать дальше. Во-первых, непосредственно о том, что бы мы хотели услышать сегодня. Некоторые развилки, некоторые альтернативы и предложения, весьма первичные, прозвучали. Мы предложили бы уважаемым членам группы сконцентрироваться на коротких выступлениях (5-7 мин.) по проблематике «новая приватизационная политика», «текущая ситуация + новая приватизационная политика». Проблемы, как они видятся каждому, кто хотел бы об этом сказать, и возможные опции, развилки, решения, либо неразрешимость ситуации. Пока что хотелось бы получить общую картину ситуации. Далее, в течение нескольких недель, мы сделали бы на этой основе, общаясь в более узких составах, некий, более развернутый, вариант самой первичной концепции, которую далее так же хотелось бы обсудить. Далее мы планировали бы в апреле-мае на заседаниях группы проводить обсуждения более прикладных вопросов. Они будут сформированы на основе сегодняшнего обсуждения, на основе ваших предложений.

Но уже понятно, что есть целый спектр возможных проблем, потенциальных проблем, о которых говорил, в том числе, мой коллега Симачев Ю.В. Наверно, если несколько укрупнить – это проблемы приватизации по индивидуальным схемам, проблемы, связанные с приватизацией крупнейших компаний. Вероятно, это строго обратная проблема – проблема миноритарного неликвида, которую наконец хорошо бы попытаться решить. Она имеет достаточно много негативных следствий – и с точки зрения издержек государства, и с точки зрения корпоративного управления, и с точки зрения просто хвоста значительного, который остается висеть в государственной собственности. Здесь стоило бы обсудить, что можно сделать. Видимо, еще один блок – это развилки и возможные направления реформы унитарных предприятий: от тотального уничтожения как класса до сохранения тех или иных УП в различных режимах – с правом хозяйственного ведения, либо без. Здесь было бы очень интересно и важно обсудить возможность разных сценариев. Возможно, это специфика банковской приватизации, которую стоило бы обсуждать в координации с группой по банковским и финансовым институтам. Наверное, это текущая проблема эффективности управления и представительства государства в акционерных обществах с участием государства. Стоило бы обсудить, насколько реально эффективен институт независимых директоров, существуют ли ему какие-то альтернативы в тех моделях управления, которые есть, можно ли что-то сделать, либо можно найти какие-то иные механизмы. В этом же контексте – вопрос эффективности представительства государства через те инструменты, которые есть. Вопрос социального эффекта приватизации. Существуют абсолютно разные мнения, я не говорю сейчас персонально, но – от глобального скепсиса до такой эйфории, что это будет очень хорошо, как минимум, с точки зрения пиара приватизационной программы. Это стоило бы

обсудить в том числе с группой по пенсионной реформе. Я не праздно это все перечисляю сейчас, собственно то, что я сказал, – добавка и чуть более укрупненные направления к тому, что сказал Симачев. Мы очень хотели бы от уважаемых экспертов – членов группы получить некие предложения по поводу того, в каких направлениях, кто мог бы быть полезен для работы группы. У некоторых есть безусловные наработки и длительный опыт исследования в конкретных областях. Мы очень рассчитываем на то, что получим от вас предложения, что по конкретной проблеме я готов/ва разработать ту или иную проблематику. Мы бы с удовольствием вынесли бы это на обсуждение и на заседание экспертной группы, для того что бы иметь в последствии некоторые конкретные выходы и конкретные рекомендации.

Если кто-то готов был бы дать на основе тех материалов, которые есть, некие экспертные оценки и заключения в целом по проблеме текущей приватизационной политики – «новой приватизационной политики», как мы ее условно уже стали называть, опять же в формате: «какие проблемы вижу, какие развилки и опционные решения предлагаю», было бы очень хорошо. Теперь хотелось бы выслушать ваши мнения.

Григорьев Л.М.:

Первое – из того что, изложено, тут есть несколько совершенно разных «свое». Есть общее «свое» - это прежде всего не новая приватизационная политика - это прагматическая политика по отношению к приватизации остатков. Это не приватизация, потому что она не меняет сложившиеся отношения с общей структурой собственности и корпоративного говернанса в стране, который у нас неудачно называется корпоративным управлением. Это путаница, от которой надо как-то отойти, потому что это не управление. Кстати, что бы сразу покончить с независимыми директорами: весь опыт независимых директоров, который я наблюдаю последний год, состоит в том, что, как только появляется независимый директор, который активно вмешивается в работу предприятия, - его немедленно убирают. Это это проблема переназначения активных директоров, которые пытаются что-то делать. То есть это проблема на государственной стороне, а не на корпоративной. Поэтому эта приватизация ничего не меняет в стране, поэтому я бы не мучился сразу с этим. Я не вижу никакой проблемы принятия специальных законов, меняющих исполнительную власть. Во всем мире мучаются с этой проблемой. Мы находимся в абсолютно нормальной стадии. У всех стран есть обрезки, огрызки, предприятия государственной категории - с этим мучаются все, то есть это абсолютно нормальная стадия, в ней нет ничего экзотического, ничего глобального, ничего системного. Ну надо продать предприятие, ну примите какой-то закон! Исполнительная власть, конечно, частично коррумпирована, частично близорука, но везде действуют из каких-то разумных собственных соображений, и решается текущая проблема. Здесь это явно бюджетная проблема.

Теперь по финансовому центру и по акциям. Во-первых, хочу напомнить – блокирующих здесь не 75+1, а 75, потому что блокирующих: 25+1. Это экзотика нашей страны. Помоему такое есть еще только в Гонконге. Я недавно объяснял одному крупному чиновнику, что нигде в мире нет блокирующих пакетов 25 %. Он был крайне удивлен. Мы решили проблему очень простым способом. «The Financial Times» читаешь? - читаешь, «Euromoney» читаешь? – читаешь, в последнее 10 лет видел сколько произошло в Европе,

в мире всяких слияний, поглощений и т.д.? Ты хоть раз видел упоминания о блокирующем пакете в западной литературе? – Нет, не видел. Значит, пока у нас сидит блокирующий пакет на уровне эмитентов, не будет никакого финансового центра, не будет англо-саксонской биржи, потому что нет фрифлота, он зажат в 20 %. Если вы хотите решать одновременно проблемы финансового рынка, финансового центра и управления, то необходима революция в структуре собственного говернанса, но, видимо, это не проблема этой группы.

Теперь, есть еще одна проблема. Мы движемся, конечно, вверх, но движемся по эскалатору, идущему вниз. Есть новый проект гражданского кодекса с переносом массы решений компании на общее собрание. Если это будет проведено, то мы зря мучаемся. Никаких решений принимать будет не возможно. Мы страшно проигрываем по легализации бизнеса. Мы бьемся уже полгода об изменении целого ряда статей, но все-равно приходят люди и говорят: « - о чем вы говорите, у нас в уголовном кодексе все еще записано, что большой доход - это предмет уголовного преследования». Есть разъяснения пленума Верховного суда, что под большим доходом имеется ввиду не прибыль, а валовый доход. Это к приватизации или к собственности? Это к режиму хозяйственных собственников. Вот таких проблем осталось очень много не решенных.

Васильев Д.В.:

- Коллеги, я хотел бы поддержать и развить идеи Леонида Марковича, потому что я считаю, что вопрос гражданского кодекса явно недооценен. Поскольку, я представляю институт, который занимается как раз корпоративным правом, то я считаю, что с точки зрения проблемы приватизации риски, которые мы здесь обсуждаем, с точки зрения качества продукта, который мы собираемся продавать, не просто большие – они фантастические. И если мы обязаны, я настаиваю – мы обязаны! – заявить позицию экспертного сообщества, что обсуждать проблемы приватизации и корпоративного управления при том проекте гражданского кодекса, который сейчас рассматривается, мы не можем.

Я обращаю внимание на несколько моментов, которые касаются гражданского кодекса и которые бьют прямо по нашей теме.

1. Разрушение земельного законодательства, разрушение процедур, связанных с выкупом земельных участков под приватизированные предприятия. По всем приватизированным предприятиям - Раз.

2. Второй пункт. Дискриминационный режим участия в гражданских правоотношениях иностранных юридических лиц. В угоду Минфина их заставляют депонировать в уполномоченном госоргане юстиции информацию о своих учредителях, участниках и выгодоприобретателях. Если они этого не делают, на этих людей распространяется солидарная ответственность по всем сделкам. Страна Россия – это не единственная страна, где люди могут инвестировать свои деньги. Первое, мы отпугиваем всех русских, которые вывезли на Кипр свои деньги, инвестировать обратно (они не хотят себя раскрывать). Во-вторых, мы отпугиваем всех остальных иностранцев, которые там сидят. Значит, они будут инвестировать в Сингапур и в другие страны. Видели они Россию в гробу. Поэтому это второй пункт, который я считаю принципиально the best

3. Третий пункт еще более страшный: размывание понятия «корпоративный щит». О чем можно говорить, когда можно на человека с ограниченной ответственностью, на членов коллегиального органа управления и на членов совета директоров распространять полную ответственность по всяким сделкам, которые происходят. Мы убиваем это.

4. Четвертый пункт. Это Леонид Маркович говорил о том, что там решения переходят на уровень собрания акционеров. Это еще ерунда! Вопрос заключается в том, что вы никаких решений принять, соответственно, не можете, поскольку все решения и собрания акционеров и совета директоров должны быть нотариально заверены. Где вы возьмёте такое количество нотариусов, чтобы обеспечить работу наших акционерных обществ. В угоду нотариальному лобби убивают вообще всю корпоративную структуру. Поэтому я считаю, что это принципиальный вопрос. Здесь возникают куча пунктов, связанных с судебным рассмотрением. Это уже в угоду наших людей из арбитражного суда появляются такие понятия, просто не расшифрованные в ГК: «излишне неравное отношение участников собрания акционеров». Что такое неравное? Что такое неравное?! Это полный судебный произвол. «Явный ущерб» - что такое явный ущерб? И таких понятий мы насчитали, примерно, 40 пунктов в проекте ГК, которые дают возможность судье такое право пересмотреть.

5. Дальше. Акционерные соглашения резко ограничиваются. Значит, стратегические инвесторы тоже не захотят покупать. Мы бьём портфельщиков, а теперь мы бьём и по стратегам. Дальше мы говорим про индивидуальные сделки. Про какие индивидуальные сделки может быть речь, когда до этого это была только судебная практика, когда ВАС иногда признавал сделки под условием, а когда не признавал. Ну, например, я покупаю ваше предприятие, если вы получите разрешение, ну на лицензию на добычу каких-то природных. То есть если вы не получили, то, «типа», всё нормально, я не покупаю тогда. Эти сделки запрещаются в новом ГК. Какие индивидуальные сделки? Вы забудьте вообще об этом как про кошмарный сон!

Это первый пункт, который я считаю принципиально важным.

Второй момент в развитие того, что говорил господин Симачев про административные возможности государства. Это касается самой организации процесса приватизации и управления госсобственностью. Я считаю, что это принципиальный вопрос. Государство всегда ограничено в своей возможности концентрироваться на большом количестве объектов. Это априорный факт. Он действует и доказан всей российской историей. Не только нашей, советской, но и предыдущей всей, начиная с реформ Александра. Больше каких-то определенных, там, две-три задачи, не может решать. Когда у нас тысячи пакетов акций, ничего вы с ними не организуете. И Минимущество вам всегда будет рассказывать, каких бы там вы гениев не поставили, они скажут: - «..Мы не успеваем, у меня вот две тысячи пакетов; то ли человека не успели назначить туда, то ли мы не успели продать это, то не успели подготовить..» и все время планы. Поэтому когда вы смотрите - планы все проваленные. Ну, потому что у вас тысяча объектов. Поэтому я считаю, что нужно подумать над вопросом, что сделать с этими маленькими пакетами, которые там зависли. Расчистка авгиев, конечно. Не индивидуальные решения. Я считаю, что это всё равно вопрос большого политического торга.

Одна из идей, которые я бы хотел просто вынести на обсуждение. Это не является такой кардинальностью, если этого не произойдет, то страна не умрет и так пусть и болтаются эти пакеты до одурения. Я слышал идею у нас в Администрации Президента, что хорошо бы нам создать фонд, стимулирующий инвестиции в российские компании соинвестирующиеся с иностранными инвесторами. Ну засунуть все эти пакеты одним решением в этот фонд, и пусть он будет государственным вкладом в этот фонд, и избавиться от управления имуществом и т.д. Не давая денег из бюджета. При этом помочь Минфину, уважение к Минфину проявить, что мы из бюджета ничего не забираем. И забыть про эти пакеты. И дальше пускай они их приватизируют. Та же идея как Ростехнологии, как они продадут/не продадут. И постепенно избавиться от этих пакетов, освободив силы Минимущества на индивидуальные решения.

И третий пункт, последний, это стимул участников процесса. Главный недостаток того, что мы смотрим за приватизационный период, что было потеряно после начала 90-х гг., был один хороший принцип. Должны быть экономические стимулы всем участвовать в процессе. Этого сейчас нет! Ни у кого никаких стимулов участвовать в процессе, кроме как получить взятку, нет. А нужно, чтобы люди вбелую получали от этого. И люди, и участники процесса. Тогда Минфин рад, и предприятие радо. Менеджеры должны обязательно получать какой-то процент от продажи и от приватизации.

Часть денег от приватизации должна обязательно поступать на территории и на регионы, где расположены предприятия. И пусть главы администрации отвечают за создание правильного социального отношения. За отношение к приватизации, как к справедливой, правильной и хорошей. И им тоже вменить ответственность за эту тему. Тогда все четыре игрока, которые влияют на процесс, будут завязаны на экономический интерес. Если этого

Воронцов А.Н.:

У меня не такое будет яркое выступление, эмоциональное. Я в рамках того доклада, который нам здесь сделали, и поскольку я успел все-таки прочитать материал, хотел бы обратить внимание на одну вещь. Она может не такая масштабная, как замечания к новой редакции ГК, которые совершенно справедливо здесь были отмечены, есть и другие вещи. Есть в рамках новой приватизационной политики одно направление деятельности, естественно, всем известное, это поддержка малого и среднего предпринимательства.

Когда мы говорим о продаже больших пакетов, структурных, системообразующих, там есть люди, которые в этом разберутся в общем, время покажет. А в отношении расставания государства – в широком смысле и федерального государства, и субъектов, и муниципалитетов с тем имуществом, которое им не нужно, которое они не используют для реализации государственных нужд или муниципальных нужд, которое они сдают в аренду или не используют никак, есть правильные и разумные меры, которые уже используются сегодня. Это определить для субъектов малого и среднего предпринимательства преимущество при выкупе этого имущества. Прошу прощения за тавтологию. Эта мера сегодня работает.

Во-первых, эта мера правильная, её необходимо развивать. Она имеет отношение к приватизации, она имеет отношение очевидно скорее не к бюджетной составляющей приватизации, а к структурной составляющей приватизации, потому что то имущество,

которое не используется государством, его нужно отдать, для того, чтобы там не возникало серых схем, и возникало понятное, прозрачное и эффективное вот это всё. Насколько эффективно сейчас это реализуется, оценить довольно сложно. Я бы хотел предложить, чтобы это было предметом рассмотрения того доклада, наметки которого мы сегодня обсуждаем.

Более того, мы получаем сигналы, ну вот и в Министерстве экономики, наверное, эти сигналы есть, и мы в Минфине получаем сигналы, о том, что есть, ну скажем, некоторое недовольство участников этого процесса тем, как он протекает. Ну, скажу только о некоторых вопросах, которые нам задают или субъекты малого предпринимательства или объединения вроде «ОПОРЫ», аналогичные меры сегодня не существуют в отношении федерального имущества. Схема, предусматривающая некоторые льготы для субъектов малого и среднего предпринимательства, существует сегодня в отношении имущества муниципального и субъектового. На федеральное она не распространяется. Вот это правильно или это надо менять? Нам надо дать ответ на этот вопрос. Реализация даже той схемы, которая сегодня существует, содержит некоторые моменты, как уверяют субъекты малого и среднего предпринимательства, осложняющие их меры по реализации этих льгот. Регистрация этих договоров аренды. Правильная эта мера или неправильная? Вот вопрос. Исполнение или надлежащее исполнение договора аренды, который является условием реализации этой льготы, еще какие-то условия, которые являются таким условием. Я бы хотел предложить, чтобы это мера новой приватизационной политики, т.е. реализация вот такого, ненужного для государственных функций имущества, стала одной из части этого доклада.

Варварин А.В.:

- Варварин, российский союз промышленников и предпринимателей. Я хотел бы обозначить пару тем, над которыми нам надо подумать как экспертной группе. Прежде всего, это формирование программы приватизации. Складывается ощущение, что сегодня ситуация выглядит таким образом. Есть перечень объектов государственных, которые не принадлежат приватизации государственных, мы их не будем продавать в принципе, есть перечень объектов, которые государство говорит «мы готовы сейчас продать». Возможно, надо перевернуть концептуально данный подход. Я знаю много случаев, когда частные инвесторы ходят вокруг компаний, которые сейчас находятся в государственной собственности, готовы были бы купить, но менеджмент этих компаний, который сегодня действительно является самым основным тормозом в приватизации, всячески это блокирует. Либо заходит в Росимущество. Особенно часто проявляется в субъектах Российской Федерации. И в результате эти компании не попадают в программу. На мой взгляд, имело бы смысл рассмотреть возможность, чтобы государство определилось, что оно не будет продавать, по крайней мере, в ближайшее время. А всё остальное считалось бы предлагаемое к продаже. По сути, должен быть публично доведен до бизнеса перечень имущества, в отношении которого бизнес может заявляться. «Мы хотим купить это» - не важно, есть он в программе, нет его в программе. Безусловно, в законе есть определенные элементы, которые позволяют обозначать бизнесу свою заинтересованность в тех объектах, которые должны включаться в программу приватизации. Но процедуры объективного рассмотрения этих заявок нет. По сути, я написал заявку, чиновник её посмотрел, позвонил генеральному директору этого ГУПа и говорит «Ну, на

приватизацию хочешь?», он говорит «Да ну что ты, не хочу, конечно. Давай мы встретимся, это обсудим». Вот надо концептуально поменять подход в формировании программы приватизации.

Второй момент. Абсолютно согласен с тезисом про то, что предоставленные сегодня Правительству полномочия по определению условий приватизации, это довольно чрезмерная мера и нельзя делать абсолютного изъятия из закона. Т.е. есть программа приватизации, есть инструмент приватизации, а если Правительство решит, оно уже действует, как хочет. Ну, логично, что надо бы хотя бы в законе определить те возможные механизмы, которые Правительство может использовать при приватизации. И на самом деле, если посмотреть, их не так много, их вполне можно схематично хотя бы обрисовать.

Следующий момент. Это возможность приватизации ГУПов путем создания обществ с ограниченной ответственностью на их базе. Старая проблема, проблема еще с 90-х гг. существует, когда у нас все ГУПы обязательно преобразуются в АО для продажи. В результате у нас в корпоративной сфере появился очевидный перекося в сторону АО. Да большинство этих компаний, которые идут на приватизацию, они никогда не были публичными и не будут никогда публичными. И зачем возлагать на бизнес издержки по обеспечению требований к АО по раскрытию информации и т.д., когда они никогда не будут публичными в принципе. Поэтому логично было бы в закон о приватизации включить возможность преобразования ГУПов в ООО.

Следующий момент. Необходимо заткнуть, на мой взгляд, те дырки, которые сегодня существуют в приватизационном законодательстве и позволяют обходить приватизационное законодательство. Вот прекрасный пример по Банку Москвы. Что это – приватизация или нет? Юридически это не приватизация. Юридически это совершенно другие механизмы. Всем известны эти механизмы: это внесение имущества в уставный капитал ГУПа и потом согласование сделки о продаже ГУПом, в том числе прямой продажи фактически; или внесение в уставный капитал АО и последующая продажа этим АО. Все эти механизмы знают, и как обходятся законы о приватизации, все тоже знают. Неоднократно видел Распоряжение Росимущества о передаче имущества, закрепление имущества на праве хозяйствования за ГУПом, а через неделю соответствующее Распоряжение о согласии по продаже этого имущества. Ну что это такое? Это очевидно просто обход приватизации. И пока такие дырки существуют, будут такие проблемы, которые возникают в связи с продажей Банка Москвы.

Следующий момент. К сожалению, просматривается такая ситуация, когда сокращаться начинает прямое государственное участие в обществах, и возрастает косвенное участие. Через дочерние компании, внучатые и т.д. Известны случаи, когда государство владеет компаниями даже через оффшорные структуры. Здесь надо довольно много уделить этому внимания и рассмотреть определенные ограничения. Во-первых, хорошо бы, чтобы каждая госкомпания имела бы определенную стратегию развития, и где было бы четко обозначено – в какие отрасли она идет, в какие не идет. Вот недавно причитал, что Сбербанк планирует приобрести определенные строительные активы, да? Зачем? Зачем это нужно? Вот пока мы не ограничим компании с государственным участием в приобретении непрофильных активов, мы будем все время иметь разрастание государственной собственности в разные стороны. Вообще, наверное, надо бы

рассмотреть возможность ограничения компаний с госучастием по приобретению активов, я имею ввиду пакетов акций прежде всего, или созданию хозяйственных обществ в секторах, где аналогичные товары/работы/услуги могут произведены частными компаниями. Каким образом это сделать? Ну, например, согласованием с ФАСом. Пусть ФАС посмотрит и примет решение – действительно ли государству необходимо приобретать этот актив.

С этим связан другой вопрос. Не секрет, что последствия кризиса дали почву для расширения госучастия в экономике прежде всего за счет того, что многие кредиты, которые выдавались государственными банками прежде всего, государственной корпорацией ВЭБ, будут не возвращены, вероятно, и встанет вопрос «куда уйдут эти активы». А это довольно крупные пакеты акций. Если просто смотреть законодательство о залоге, то логично, что они должны быть выставлены на продажу. Но практика идет, что совершаются сделки об отступном. В результате активы так или иначе переходят под контроль этих государственных структур. В результате создаются при государственных банках структуры, которые управляют непрофильными активами и видно, что, к сожалению, эти активы не очень-то выставляются на продажу. Они остаются, по сути, в государственной собственности. Может быть, надо посмотреть законодательство о залоге, законодательство о банках и банковской деятельности, чтобы ограничить возможность сохранения этих активов в собственности государства по сути. Может быть, они должны просто выставляться на торги и продаваться.

Следующий момент. Это касается публичных процедур отчуждения тех активов, которые находятся в собственности компаний с государственным участием. Здесь нет абсолютно, по-моему, никакой прозрачности и тот пример, что Банк Москвы будет, вероятно, продаваться по прямому договору купли-продажи, это свидетельствует о том, что вероятно имеет смысл рассмотреть возможность введения аналогичных процедур при продаже компаниям без госучастия какой-то существенной части своих активов.

Согласен с коллегой, выступавшим передо мною, о том, что в законодательстве о приватизации скрыт и не задействован до настоящего момента, мощный механизм стимулирования развития малого и среднего бизнеса. Значительная доля компаний, которая сейчас находится в собственности государства, по сути являются малым и средним бизнесом. И логично было бы рассмотреть возможности большего привлечения малого и среднего бизнеса и, возможно, создать определенный заявительный порядок в отношении активов, которые принадлежат сейчас государственным предприятиям либо даже государственным учреждениям, чтобы малый бизнес мог заявить, о том, что «мы арендуем в течение 5 лет это имущество и просим государство рассмотреть возможность раскрепления этого имущества с правом хозяйственного ведения и продажи целевым образом арендатору». Дополнительно, как механизм стимулирующий развитие малого и среднего бизнеса.

Ну, и в заключении, хотел бы еще обозначить, ситуацию с объектами, которые являются подведомственными Минобороны. Мне кажется, недостаточное внимание этому уделяется. В своё время прошла волна продажи таких объектов, но постепенно она остановилась. Более того, в Минобороны создана структура, которая управляет непрофильными активами. И тоже там не видно тенденции к отчуждению этих активов.

Ну, например, там, прачечные, которые принадлежат фактически Минобороны. Просто, зачем они там находятся, в уставном капитале этой компании, и т.д. Это, пожалуй, основные тезисы.

Соколова О.Б.:

- Добрый день, уважаемые коллеги. Я также постаралась внимательно ознакомиться с докладом. И что хочется отметить сразу. Что пока он, этот материал, подготовлен в традиционной для процесса приватизации методологии и пока мы находимся, я бы так сказала, в плену этой методологии, мы не видим объективной картины реальной приватизации, потому что сейчас объем планируемого к приватизации имущества и того имущества, которое в целом находится в составе госсектора, он настолько качественно различен, что считать эти предприятия десятками, тысячами, высчитывать, сколько мы приватизировали в прошлом году, а сколько сейчас, на мой взгляд, это совершенно не продуктивно.

Плюс к тому, например, следует иметь в виду, что такой огромный массив государственной собственности, как недвижимое имущество казны, он проходит вообще мимо процесса приватизации, потому что технология планирования приватизации длительная и сложная. И, соответственно, это имущество реально отчуждается, потому что отчуждать его надо. Но как раз, по достаточно не прозрачным для общества, я бы сказала, не публичным процедурам. С другой стороны, стоит ли – это вторая большая проблема – стоит ли ехать по тем же самым рельсам, как и все предшествующие годы, а именно включать обязательно в программу приватизации все те объекты, которые необходимо, так сказать, отчуждать от государственной собственности в рамках процесса приватизации. Зачем? Мы каждый год выносим на Правительство сотни объектов, средства, от продажи которых не играют абсолютно никакой роли для пополнения бюджета. Деятельность которых никакого отношения не имеет, допустим, к налоговой базе, так сказать, государства, и, собственно, на среднюю температуру в экономике не оказывает абсолютно никакого воздействия. Т.е. те объекты, которые сугубо количественно находятся, например, в составе федеральной собственности, которые отчуждать надо, но опять же, заставлять аппарат Правительства и Правительство работать над темой их приватизации это абсолютно бессмысленно. На мой взгляд, уже давно назрела необходимость разрешить приватизировать в соответствии с законом те объекты, которые должны покинуть государственный сектор, но без вот этой долговременной, сложной процедуры приватизации.

Следующий тезис, это то, что опять же в докладе было отмечено, что те процедуры продажи крупных, стратегически важных объектов приватизации, которые пойдут через специально отобранных продавцов, что их было бы целесообразно также законодательно зарегулировать. Вот я бы здесь предложила идею, абсолютно противоположную этому тезису доклада. На мой взгляд, требование о публичности приватизации, требование о соблюдении всех антимонопольных процедур, т. е. её безусловная прозрачность и привлечение к этому процессу экспертов с мировым именем, то, что сейчас и сделано Правительством, мне кажется, это в своём роде является достаточной гарантией того, что приватизация пройдет по наиболее эффективной схеме. И мне кажется, что если посмотреть даже мировой опыт, ну где мы увидим такое законодательство о

приватизации, которое исчерпывающим образом, выписывает рецепты приватизации на каждый и каждый объект. Но есть же схемы аукционов. Опробованные веками и существующие в рамках тех площадок, на которых такие торги практикуются. Т.е. мне кажется, что при наличии требования о прозрачности, публичности и конкурентности приватизации от законодательных процедур, регулирующих порядок проведения торгов целесообразно отходить. Я думаю, что это не продуктивно, это является на самом деле тормозом для того, чтобы планировать каждую конкретную, а уж тем более серьезную приватизационную сделку. Мне кажется, сейчас существуют серьезные дефекты в планировании приватизации и в её правовом обеспечении.

Есть еще масса проблем, которые, так сказать, не видны на поверхности, но серьезно влияют на эффективность продаж. Например, заинтересованность продавца в эффективности приватизации. Но, безусловно, понятно, что организация, которой доверили продажу имущества, должна быть заинтересована в том, чтобы продать имущество по максимальной цене. Поэтому, соответственно, размер её вознаграждения должен зависеть от эффективности продажи. Но до последнего времени приватизация осуществлялась по принципам бюджетного финансирования государственными органами или организациями, созданными государством, этот принцип реализовываться не мог. А сейчас возможность реализации этого принципа ограничена бюджетным законодательством. Т.е. пока, опять же, мы не имеем прямой схемы и понятной, из какого источника и в каких размерах организация будет получать своё вознаграждение, есть эта проблема. И есть опыт её решения. Например, на территории Санкт-Петербурга практикуется такая схема, когда вознаграждение продавцов выплачивается покупателем сверх той цены продажи, которую он выплачивает. Может быть, это не единственный рецепт, но он есть. И я думаю, что есть смысл рассмотреть эту проблему в рамках работы группы, потому что это напрямую связано с эффективностью приватизации, с её бюджетом, эффектом, с её прозрачностью.

Что еще? Действительно, докладчики подмечали, что существует, на мой взгляд, или скорее так – отсутствует полностью рефлексия по поводу эффектов приватизации. Т.е. мы что-то делаем, мы продаем ежегодно объекты, но мы ничего не знаем, что с ними случилось потом. И поэтому, опять же, эффективность приватизации мы оцениваем умозрительно (столько-то мы объектов продали, на столько мы сократили госсектор), а как те или иные схемы приватизации повлияли на дальнейшую судьбу предприятия, на эффективность их продажи, эта тема совершенно не озвучена. Развитие идет в данном направлении, я думаю, что сейчас те усилия, которые предпринимаются, принесут результат, на мой взгляд, потому Минэкономразвития готовит сейчас нормативный акт, который обяжет раскрывать информацию по аналогии с той информацией, которую обязаны раскрывать акционерные общества и в отношении УП. Но мне кажется, здесь еще на тему корпоративного управления при приватизации нужно добиваться реального раскрытия информации АО и, мне кажется, этот как раз то направление, по которому могли бы работать те директора, которых в качестве независимых избирают в качестве управления в госкомпаниях. Мне кажется, отдельной оценки заслуживает то, а появились ли в результате работы независимых директоров реальные публичные отчеты тех госкомпаний, куда представители этого сообщества избираются. И внесло ли это

реальный вклад в прозрачность работы предприятия госсектора, и в тему их доступности для потенциальных инвесторов.

Что еще хотелось бы добавить. Я думаю, что отдельно нужно рассмотреть законодательство об оценочной деятельности и то, как оно срабатывает в отношении приватизационных сделок, потому что пока методология оценки такова, что оценщик должен выдать ничто иное, а именно рыночную стоимость объекта, фактически получается, что рыночная стоимость, определяемая оценщиком, имеет тенденцию к завышению. В то время, как для того, чтобы эффективно продать объект на торгах, та цена, по которой объект выставляется, должна быть привлекательна для инвесторов. Т.е. она не должна изначально стоять на верхней границе цены объекта, иначе изначально данная приватизационная сделка на самом своем старте является несколько затруднительной.

И по поводу идеи поддержки субъектов малого и среднего бизнеса за счет создания им прямого доступа к тем объектам, которые они арендуют, я бы сказала, что этот вопрос имеет абсолютно различную цену для федерального имущества и для муниципального имущества. Муниципальный бюджет в основном пополняется от продажи именно такого качества объектов. Они имеют тенденцию к дефицитности, и для них вот на этом уровне доходы от продажи именно отдельных объектов недвижимого имущества имеют бюджетную значимость. Нельзя сказать, что нам это не важно. И мы можем немедленно отдать в руки арендаторов, и нужно действительно оценить (об этом говорили докладчики) эффективность использования этой схемы, потому что на мой взгляд эта схема разовая и она удовлетворяет интересы только текущих арендаторов, и за продажей арендованного объекта в прямые руки, как правило, на мой, опять же, экспертный взгляд, следует перекупка этого объекта, т.е. тот доход, который теряет муниципалитет (в данном случае я не говорю о федерации, потому что для федерации это не значимо), он уходит в рынок, а не в тот же самый муниципальный бюджет, который мог бы его получить. Т.е. мне кажется, что это к теме рефлексии. На институциональном уровне отсутствует мониторинг результатов приватизации и её эффективности. Благодарю за внимание.

Беликов И.В.:

Добрый день коллеги. Часть материала, относящегося к этому обсуждению, я думаю, у вас, Юрий Вячеславович есть, та статья, которую мы опубликовали с вашим бывшим шефом – Алексеем Пономаревым. Так что, я думаю, мы тот материал доработаем и представим его. Комментарий: это была статья по вопросам модернизации корпоративного управления. Вот вместе с Сергеем Гуриевым, в его РЭШ у нас был отчет об исследовании практики корпоративного управления. Его мы тоже готовы предоставить.

Теперь краткий комментарий по некоторым из вопросов, которые вынесены на обсуждение. По организационно-правовому оформлению собственности, принадлежащей государству. Когда мы знаем, что ГУП является самой не прозрачной формой собственности, что там происходит, так завеса иногда приоткрывается, например, с московским метро, и мы собственно видим, что там происходит. Когда, собственно сохранение – это сохранение вне контроля больших массивов собственности. Когда речь

идет о том, что бы де-факто на эти компании возложить ответственность, равную по раскрытию информации, по крайней мере, равную тем обязательствам, которые существуют в ОАО, я тогда не понимаю, зачем вообще сохранение этой организационно-правовой формы – во-первых. Во-вторых, когда речь идет о подготовке к продаже и о «приватизации» - просто изменении организационно-правовой формы на что-то и предлагается ООО, то я с этим не могу согласиться, поскольку государственная собственность – это собственность, если выразиться высоким штилем, принадлежащая всем гражданам, следовательно, обязательства управляющих по раскрытию информации о том, как они ее используют, должны быть очень высокими. Обязанность возникает из характера публичной собственности. Поэтому, если государству не требуется владение этим активом, то его приватизируют, если владение по каким-то причинам необходимо – должна быть обеспечена высокая степень раскрытия информации о том, как управляющие распоряжаются этим активом, даже если этот актив является 100%-ой государственной собственностью. Если мы позволим сохранение в государственной собственности каких-то активов в организационно-правовой форме ООО, то мы получим то, что мы имеем сейчас с ГУПами.

Далее, я думаю, что необходима градация контроля. И мы, анализируя ситуацию, не видим предпосылок к тому, что бы в обозримом будущем, обозримой перспективе рынок вдруг многократно вырос и стал невероятно ликвидным, следовательно то, что есть сейчас на среднесрочную перспективу, будет сохраняться. Следовательно, основной гарантией для акционеров их прав является вот эта самая градация. Поэтому, что значит отказаться от необходимости градации контроля - это что, означает пересмотреть совокупность прав, связанных каким-то объемом акций? Это будет означать, что, повторяю, акционеры лишаются того инструмента, который сейчас есть. Мне формулировка вопроса не вполне понятна.

Далее, только лишь снижение доли государства или так же расширение доли независимых директоров. Я думаю, что правильной сформулировать вопрос таким образом, что снижение доли государства должно сопровождаться изменением характера управления собственностью, в которой сохраняется контрольный пакет за государством. Проблема в этом, и мы видели это на примере ВТБ, и на примере народной приватизации Роснефти, что небольшие пакеты акций проданы, которые не повлекли активного участия в управлении представителей акционеров, поскольку их было не велико в количестве, они оказались распыленными. Это не привело к изменению качества управления этими активами. Следовательно, речь должна идти о том, что снижение доли государства должно быть существенно, во всяком случае не менее 25%+ 1 акция – это первое. Потому что опыт показывает, что снижение доли государства менее этого объема решает только одну задачу – это получение определенных средств государством. Которая потом используется тем же менеджментом, который там был и который во многих случаях работает неэффективно. Следовательно, речь должна идти о том, что снижение контроля государства должно осуществляться в таких способах, которые позволяют реально участвовать в управлении представителям новых акционеров. Это, я думаю, первая корректировка, формулировка этого вопроса. Вторая – сохраняющийся контроль за государством. Как этот пакет должен управляться? Да, управление должно состоять из привлечения представителей государственных ведомств и независимых директоров. При

этом надо в нашем материале подробно рассмотреть вопрос о том, как государство, предшествующая практика есть, ведь в мае будет 3 года с момента декларирования привлечения независимых директоров. Было сказано, что активных независимых директоров убирают. Мы тоже об этом знаем. Результат этого анализа должен дать ответ на вторую часть этого вопроса – это сохранение государственного пакета, практика управления им с привлечением независимых директоров. Все, я на этом завершаю. Последнее о миноритарном праве или блокирующий пакет. Я думаю что, ежели мы настроены на создание и развитие международного финансового центра, то основным инструментом все-таки должно быть привычное корпоративное законодательство. Развитие инструмента различных золотых, серебряных и прочих акций – это не является нормальным инструментом.

Мальгинов Г.Н.:

Три коротких комментария, которые, как мне кажется, нужно отразить в материале. Первый момент: если мы говорим с одной стороны об инвестиционной, инновационной, модернизационной и т.д. направленности приватизации, если это реальная приватизация за реальные деньги, по реальным ценам, то надо видеть обратную сторону, что эти деньги, которые частный бизнес не вложит уже в те отрасли, те сектора экономики, которые уже принадлежат ему и которые уже находятся под контролем. В этой же связке надо иметь в виду что, наш корпоративный сектор имеет достаточно большую задолженность, в том числе и внешнюю, причем это касается далеко не только государственных компаний. Второй момент: вот по тем рискам, которые были показаны. Мне кажется, что одним из таких рисков будет то, что в качестве средств в ходе приватизации могут всплыть те средства, которые государство давало в ходе антикризисных программ. По имиджу «новой приватизации» это может ударить и ударить здорово, поскольку эти средства давало государство на другие цели и, строго говоря, те, кто их получал, к эффективным собственникам, более эффективным, чем государство, отнесены быть не могут. И третий момент – технический: уже говорилось о том, что как работает законодательство об оценочной деятельности. Как известно, те новации, которые были внесены в мае прошлого года - отказ от нормативной цены, переход к оценке только на основе оценки имущества. Интуиция подсказывает, что это все писалось под то, что на федеральном уровне будут привлечены крупные международные консалтинговые оценочные структуры, которые будут оценивать эти крупные пакеты на федеральном уровне. Но есть низовой уровень – уровень субъектов, муниципалитетов и т.д., и здесь возникает вопрос – как будет работать там законодательство об оценочной деятельности. Просто в свете того, что мы слышим по телевизору, читаем в газетах – я думаю, названия соответствующих населенных пунктов всем хорошо известны. Как это все там будет работать?

Гуриев С.М.:

Спасибо большое. Так же буду краток. Мне кажется, вот этот набор вопросов почти все вопросы исчерпывает и, мне кажется, нужно всех участников группы попросить на эти вопросы ответить, например, - в письменном виде. У кого что есть сказать, какие аргументы, за и против по этим самым развилкам. Это будет очень полезный материал. Я хотел бы согласиться, поддержать идею, что необходимо заинтересовать всех

потенциальных стейкхолдеров и раздать деньги от приватизации всем, что бы обеспечить поддержку приватизации легитимной собственности. Мне кажется – это очень важно.

Еще одна вещь, о которой я хотел бы рассказать, - это обсуждается в других группах: налог на имущество. Если муниципалитеты и региональные органы власти будут платить налог с имущества, то у них будет огромный стимул продавать это самое имущество. Это очень спорный вопрос, потому что для малого бизнеса это будут какие-то непонятные вещи. Но во всяком случае это важный инструмент, который не обязательно нужно, но можно использовать для создания стимулов к приватизации.

Но самый главный вопрос, о котором я хотел бы сказать – это приватизация мажоритарных пакетов в крупных компаниях. Я думаю, что нам не нужно ограничиваться теми планами, которые у правительства есть сейчас. Потому что очевидно, что правительство свои планы изменит, когда деньги кончатся совсем. И мы все знаем, что деньги кончатся совсем. И если мы хотим планировать до 2020 года, а не до 2012, то нужно об этом честно правительству сказать. Если деньги кончатся совсем, то придется продавать и не 10%, и не 20%, а 50% и 70%. Мне кажется, об этом надо откровенно говорить и не делать вид, как будто дважды два равно четырнадцать. Дважды два будет равно четыре, по крайней мере в ближайшие 10 лет. И не нужно от этого уклоняться. Соответственно, все те вопросы, о которых говорил Юрий Вячеславович о регулировании, о защите прав собственности, необходимо обсуждать, потому что мы пока что не знаем что такое Сбербанк, в котором государство не владеет большинством. Мы пока в такой стране не жили, а придется. Что такое Газпром, который не владеет всем в стране. Останется такой Газпром, который будет владеть трубой, а может, и трубы не достанется. Вот об этом, мне кажется, нужно уже честно говорить и думать.

Еще один важный вопрос, относящийся к госимуществу – нужно ли запрещать госкомпаниям делать что-то, например, заниматься какой-то непрофильной деятельностью. Я полностью согласен с Игорем, что все компании должны существовать в едином правовом поле, и если компания имеет корпоративную процедуру, то пусть она в рамках этих корпоративных процедур и действует. Другое дело - государство должно избавиться от всех активов, которые не являются, грубо говоря, институтами развития. И если это компания, которая занимается бизнесом, пусть это будет не государственная компания, если у нее есть какие-то экстерналии, то пусть государство старается ее регулировать. Я думаю, что выбора у нас никакого нет.

И еще одна вещь, о которой я хотел бы сказать – много говорили о независимых директорах. Я, к счастью или к сожалению, имею опыт работы независимым директором в государственной компании. Пока, я сказал бы, нет серьезного прогресса в этой области, в том числе потому, что все-таки независимые директора не обладают большинством голосов совета. Председателями остаются чиновники. Среди директоров это наиболее важный человек, он определяет повестку и, кроме того, часть независимых директоров на самом деле являются поверенными. И надо понимать, что если вы видите, что он не является чиновником, все равно из этого не следует, что, он будет голосовать независимо. Поэтому, к сожалению, эта ситуация далека от тех обещаний, которые были. И во многих компаниях действительно многие решения принимаются по прямому указанию чиновников, которые не входят в советы, и независимые директора часто голосуют

против, но находятся в меньшинстве. Леонид Маркович говорил, что часто директоров, которые голосуют против, выгоняют из совета. На самом деле это происходит, но это не 100% случаев. Есть много случаев, когда независимых директоров защищают чиновники. На моем опыте никогда не было проблем с тем, что я голосовал против и меня кто-то пытался выгнать. Но про такие случаи я так же слышал, и мне кажется, что нужно придумать какой-то механизм опубликования этих скандалов, что ли, донесения до общественности всех этих проблем.

Еще одна вещь – госкомпаниям, госкорпорациям, дочерним структурам госкомпаний – запретить участвовать в приватизации. Это в принципе запрещено, но на практике есть лазейки, мягко говоря. Мы все знаем – это надо запретить, иначе мы будем ходить по кругу очень долго.